

Л.В. Озолия

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Категория темпоральности
(на материале орокского языка)**

Аннотация: В качестве категории функционально-семантической категория темпоральности должна анализироваться в двух аспектах: с одной стороны, с точки зрения ее структуры в системе языка, с другой стороны, с точки зрения ее проявления в процессе функционирования языка, что включает в себя рассмотрение вопросов взаимодействия структурных компонентов категории, например, выделение грамматических и неграмматических средств выражения, анализ процессов формирования семантических комплексов, развертывание функционально-семантических микрополей и пр.

The category of temporality, as a functional-semantic one, must be analyzed in two aspects: on the one hand, from the point of view of its structure in the language system, and on the other, from the viewpoint of its manifestation in the functioning of the language. This involves the problems of interaction of the category's structural components, say the differentiation between grammatical and non-grammatical expressive means, analysis of semantic complex formation processes, expansion of functional-semantic microfields, etc.

Ключевые слова: темпоральность, функционально-семантическая категория, грамматическая категория, структура категории темпоральности.

Temporality, paradigmatics base, grammar category, opposition relations.

УДК: 81'366 = 512.2.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН. Тел. (383) 3302737. E-mail: boris@philology.nsc.ru.

Язык представляет собой набор определенных единиц, формирующих собственно *структуру*, которая в функциональном плане представляет собой уже языковую *систему*, основанную на правилах использования элементов языка. Всякая система иерархична, то есть работа одной подсистемы (функционирующего структурного компонента) зависит от работы другой. По Б.В. Касевичу, выделяются семантический компонент языка, синтаксический компонент языка, морфологический компонент языка и номинативный компонент языка.

Морфологический компонент языка включает в себя, прежде всего, парадигматику. В основе выделения всякой парадигмы как системы форм слова лежат основные формообразующие или морфологические категории, выступающие одновременно как дифференциалы и как маркеры структурных элементов языка (речь идет о классифицирующих категориях, распределяющих лексические единицы по грамматическим основаниям). С точки зрения внутреннего устройства все парадигмы могут быть разделены на три типа: в основе первых двух типов (у каждого компонента свой маркер – эквиолентная оппозиция (например: личное и возвратное притяжание) и немаркированный / маркированный компонент –

бинарная оппозиция (например: падеж, время и др.) лежат формальные показатели, третий тип выделяется по семантическим основаниям (контекстуальная оппозиция или оппозиция детализаторов), например:

(1) а) *Чине путтэби халачими бини* – долбодоло анауа.

Вчера я сына своего **жду** (**дожидаясь**), а его до ночи нет.

б) *Сэксэ путтэби халачихамби* – долбодоло анауа.

Вечером я сына своего **ждала**, а его до ночи нет.

в) *Чине путтэ би халаччиви* – долбодоло анауа.

Вчера я сына своего **жду**, а его до ночи нет.

г) *Чимана путтэби халачиллеви* – гочи долбодоло эллини цэнэ.

Завтра я своего сына **буду ждать**, а он опять до ночи не придет.

Категория темпоральности как любая функционально-семантическая категория характеризуется, с одной стороны, определенной структурой, с другой, – функциональными характеристиками, поскольку реализуется на уровне контекста. Поэтому в качестве категории функционально-семантической категория темпоральности должна анализироваться в двух аспектах: с одной стороны, с точки зрения ее структуры в системе языка, предполагающей выделение центра и периферии, распределение дифференциальных семантических признаков между ядерными и периферийными компонентами и т.п., с другой стороны, с точки зрения ее проявления в процессе функционирования языка, что, в свою очередь включает в себя рассмотрение вопросов взаимодействия структурных компонентов категории, например, выделение грамматических и неграмматических средств выражения, анализ процессов формирования семантических комплексов, развертывание функционально-семантических микрополей и пр.

С точки зрения структурной организации категория темпоральности представляет собой четко оформленную вокруг грамматикализованного центра семантическую периферию, включающую лексико-грамматические и семантико-синтаксические компоненты. Эти компоненты проявляют себя в процессе функционирования в предложении исключительно через глагол как основную грамматическую единицу, которой присуща категория времени, шире – через предикат любой структуры, предполагающий семантико-синтаксическое окружение такой грамматической единицы языка, как глагол.

Именно морфологическая категория глагольного времени, представляющая собой систему противопоставленных друг другу рядов грамматических форм, соотносящих действие с моментом речи или же с другим действием через его временную соотнесенность с моментом речи, является грамматическим ядром функционально-семантической категории темпоральности.

Глагольное время определяется как морфологическая категория, «являющаяся специфическим языковым отражением темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении» [ЛЭС, 1990, с. 89], то есть, грамматическое время практически обязательно представляет собой некую парадигму и характеризуется некими формальными средствами выражения, в том числе – в парадигме – нулевыми.

Морфологическая категория времени, наряду с видом (формально отсутствующим как грамматическая категория в тунгусо-маньчжурских языках), выражает различные смысловые абстракции, отвлеченные от свойств, связей и отношений внеязыковой действительности (в отличие, от реляционных, то есть синтаксически выявляемых, например, для ряда форм имени категорий рода и падежа). Морфологическая категория времени выступает как категория референциальная, номинативная, синтаксически не выявляемая. Временная (темпоральная) локализация любого события или состояния носит дейктический характер, поскольку прямо или косвенным образом соотносится «с реальным или воображаемым «здесь и теперь» [Там же], указывая посредством противопоставляемых друг

другу временных форм глагола на одновременность, предшествование или следование событий относительно момента речи (абсолютное время) и относительно некоего главного действия, события (время относительное, релятивное). Момент речи принимается в качестве точки отсчета для различения трех грамматических времен: настоящего – с включением момента речи, в момент речи, прошедшего – до момента речи и будущего – после момента речи.

Время релятивное или относительное указывает на последовательность действий и событий относительно главного действия в прошлом (предпрошедшее) или в будущем (предбудущее).

Относительное время используется, например, в орокском языке преимущественно в конструкциях с обстоятельствами, выраженными образованными от вербальных, ментальных и сенситивных глаголов именами существительными (связанными именами неполной парадигмы или причастиями-существительными) или соответствующими падежными формами причастий-существительных. Эти конструкции функционально эквивалентны русским модус-диктумным сложно-подчиненным, в которых за точку отсчета принимается время действия главного предложения.

Временная локализация действия, события, выраженная или же не выраженная в глаголе или отглагольной словоформе морфологически, допускает в составе предложении сочетание с детализаторами, в функции которых выступают лексические (например, наречия временной семантики) и синтаксические (обстоятельства времени, союзы и др.) средства, оформляя периферию функционально-семантической категории темпоральности.

Итак, основной грамматической единицей языка, способной реализовывать абсолютные временные значения в речи, является глагол, выступающий в предложении в функции простого предиката. Что касается составного именного или глагольного предиката, то он всегда содержит в своем составе, помимо семантической части (это безличные причастия-прилагательные обычности действия, причастия на –рра ~ -ррэ, имена существительные, прилагательные, наречия и др.) финитную глагольную форму, в настоящем времени – обычно нулевую. Релятивные же значения времени всегда «помогает» реализовать глаголу синтаксическая структура, в том числе – вкупе с темпоральными детализаторами.

Глагол как грамматический класс слов обозначает действие, которое связано с моментом речи, то есть протекает в абсолютном времени, что отличает его, как принято считать в традиции, от причастий и деепричастий, категория времени которых (если она выражена суффиксально) носит относительный характер: действие, обозначаемое любыми отглагольными образованиями, кроме собственно глагола, напрямую не связано с моментом речи, к нему оно «привязано» через соотнесение в составе предложения со временем глагола-сказуемого.

Личные причастия-прилагательные в тунгусо-маньчжурских языках, имеющие в составе производной основы так называемые условно-временные суффиксы, подразделяются на активные и пассивные и выступают в составе предложения либо в функции определений, либо в функции именной части составного сказуемого, то есть фактически, имея в своем составе формальный показатель времени, никакого времени не обозначают. Основанием для такого вывода могут служить многочисленные примеры темпоральной недифференциации причастий как в функции атрибута, так и в функции части именного предиката, например:

(2) (а) *Ңэнэхэ нарре (ңэнне наррѐ) тари мапа хакпаччини.*

Идущего человека (**шедшего** человека) тот старик догнал.

(б) *Чотчи анмунасал бојонду сорре (сориха) нарре итэүэчи.*

Потом братья **борющегося** (**боровшегося**) с медведем человека увидели.

(в) *Ночи кујинду чи соррукил битчичи.*

Они все время **враждовали** (букв.: **враждовавшими** / **враждующими** были) с айнами и др.

Отнесенность действия, обозначаемого глаголом, к действительности, определила наличие у него категорий наклонения: реальное действие обозначается изъявительным наклонением, соответственно, это действие может характеризоваться с точки зрения его временной привязанности. Поскольку всякое действие связано с субъектом / субъектами, либо его осуществляющими, либо воспринимающими, ему присущи личные характеристики: глаголы обязательно оформляются показателями 1 и 2 лица, а также – в орокском языке для ряда форм будущего времени факультативно – 3 лица. Отражение количества субъектов действия (один или несколько) находит свое выражение в числовом противопоставлении личных глагольных суффиксов единственного и множественного числа. В предложении глагол может выполнять только одну функцию: предикативную. Поэтому морфологическая категория времени у глагола в орокском языке почти всегда «поддержана» наличием лично-числовых суффиксальных показателей.

Темпоральная структура глагола в орокском языке (опять же в связи с отсутствием категории вида) тесно связана и во многом определяется синтаксической структурой предложения, которая, независимо от того, имеется ли формально выраженная в глаголе соотносительность с настоящим, прошедшим или будущим временем через морфологические показатели, всегда выражается структурой предложения, поэтому можно оценивать это время как синтаксическое. И с этой точки зрения синтаксическое время наряду с морфологическим можно было бы отнести к грамматическому ядру категории темпоральности. В традиции же деление на «ядро – периферию» предполагает противопоставление исключительно морфологического ядра темпоральности (форм маркированного времени изъявительного наклонения) всем иным средствам выражения временных отношений (ср., например, время в составе именного сказуемого: с точки зрения морфологии некоторые исследователи квалифицируют сказуемые типа но↓ни татчинне 'он учитель', нони татчинне битчини 'он был учителем', нбни татчинне биллини 'он будет учителем' как аналитические временные формы, но рассматривая эти единицы как структурные элементы синтаксической конструкции, мы должны оценивать их как предикаты – то есть, как средства выражения синтаксического времени).

Помимо изъявительного наклонения в орокском языке носителями темпоральных отношений могут быть формы повелительного (действие ориентировано на ирреальное настоящее или будущее), побудительного (действие ориентировано на ирреальное настоящее или будущее) и сослагательного (действие ориентировано на ирреальное будущее или прошлое) наклонений.

Формы повелительного (в составе парадигмы наличествуют формы 2 лица единственного и множественного числа) и побудительного наклонений (наличествуют формы 1 и 2 лица единственного и множественного числа), ориентируя действие во времени, относят его к будущему и настоящему (что определяется либо наличием условно-видового суффикса в составе словообразовательной основы, либо лексическими или синтаксическими средствами): *vāru* 'убей (сейчас)' или *vānda* 'пойди убей' (вначале – *пойди*, потом – *убей* – в будущем); *tukcau* 'беги' и *tukcalu* 'побеги', *unu* 'говори (сейчас), скажи' и *uttəri* 'скажи (в будущем)', *нэннитэ* 'я пойду-ка' и *нэннэптэ* 'мы пойдем-ка, отправимся-ка' и др.

Примеры:

(3) (а) *Би јэ пурэнду бутчимби-дэ умотту, дукуби барони нэннитэ.*

Я в этом лесу все равно **погиб, пойду-ка** я по направлению к своему дому.

(б) *Чиманани бу нэннэптэ.*

Завтра мы **отправимся-ка**.

в) *Тари амбануу нэнухэни-тэни, эси-дэ нэннэптэ.*

Ну, тот черт **ушел**, наконец, теперь мы **пойдем-ка (отправимся-ка)**.

[Ср. *нэннэптэ* < *нэнэ* = -*нэ* + -*пу* = -*тэ* с *нан.* формой II буд. вр. *энэ* = *нэ* + *пу* = *тэ* = *ни* 'пойдем-ка' и др.].

Формы сослагательного наклонения, имея в своем составе морфологический маркер прошедшего времени – суффикс -хан ~ -хэн, в составе простого, неосложненного обстоятельства условия или времени, предложения ориентированы на будущее время, в составе осложненного – выражают синтаксически прошедшее время:

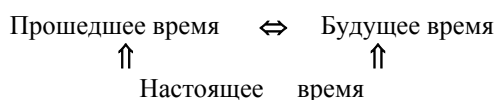
(г) *Бојо(н) симбе серилахани.*

Медведь тебя **искусал бы**.

(д) *Би меокчалале ча бэјнэ меокчаллелахамби.*

Когда бы (если бы) я стрелял, я того зверя **застрелил бы**.

Темпоральная структура глагола в орокском языке может быть представлена схематически как пересекающиеся поля морфологически маркированных форм прошедшего, настоящего и будущего времени:

Доминирующее положение в структуре, бесспорно, занимает в изъявительном наклонении настоящее время, формы которого могут выступать в функции и прошедшего времени, и будущего.

Поскольку настоящее время означает, что действие происходит одновременно с моментом речи или отличается постоянством и регулярностью, различают два значения настоящего времени:

1) собственно настоящее или настоящее актуальное, когда действие непосредственно соотносится с моментом речи, в частности, и через темпоральные детализаторы, в роли которых выступают наречия времени, например:

(4) а) *Эси бу унитаккери нэннепу.*

Сейчас мы **идем** к своей реке.

б) *Эсинэни тугдэллени, пулими нэнэври орки.*

Сегодня идет дождь, идти гулять нельзя.

2) настоящее относительное или неактуальное, значением которого является выражение процесса, совершающегося безотносительно к моменту речи, но характеризующегося регулярностью, повторяемостью, определенностью, относительно ранее совершенного действия, например:

(5) а) *Мама уччини: «Горо би путтэби хони эсини иссу-уа?».*

Старуха **спросила**: «Почему так долго **не возвращается** мой сын?» (букв.: как это мой сын **не возвращается?**);

б) *Мапа горо мамануби гэлэми гэлэхэни, инэн-инэни пурэттэи нэннени.*

Старик долго свою старуху искал, каждый день в лес **ходит** (вместо **ходил**).

в) *Тари нари нэнухэни, чоччи мама дукутакки ирини, итчени.*

Тот мужчина **ушел**, после этого старуха в дом **входит** и **видит** (вместо **вошла** и **увидела**).

В орокском языке настоящее неактуальное может использоваться преимущественно для обозначения действия в прошлом, реже – в будущем. Использование настоящего времени в значении прошедшего может быть оценено как показатель «расшатывания» грамматической системы орокского языка под массивным влиянием русского, в котором такое использование настоящего неактуального является нормой, тогда как в орокском в подобных ситуациях используются глаголы с суффиксальными показателями обычности действия, повторности действия и пр., например:

(6) а) *Ча анани ананиду мапануни дукупу андуччими, пурэттэј пулими пуличчини.*

Позапрошлый год ее муж, дом строя, в лес все время **ходит** и **ходит**.

б) *Чине поктола нэнэми нѳмбони аталлеви.*

Вчера иду по дороге и **встречаю** ее (букв.: **идя** по дороге, **встречаю**).

в) *Гари гочи-дда уччини: «Пинаси туккини, гак-гак».*

Ворон опять **сказал**: «Ноша твоя **падает**, кар-кар!» и др.

Прошедшее время – это время глагола, обозначающее, что названное глаголом действие предшествует моменту речи. В орокском языке (как языке, в котором глаголу не свойственна категория вида) прошедшее время наряду с другими языковыми средствами достаточно широко используется для компенсации отсутствия этой грамматической категории: наряду с условно-видовыми словообразовательными суффиксами, прошедшее время часто определяет видовую характеристику глагола. Фактически морфологические формы прошедшего времени в орокском языке реализуют исключительные свои прямые значения:

1) в имперфектном значении глагол характеризует процесс, совершившийся в прошлом, но как бы не завершённый, что соответствует глаголу *несовершенного* вида, например:

(7) а) *Гэ, чини гатаниулу.*

Ну, вчера мы **ходили** по ягоды.

б) *Тари сэвэсэл мэн-мэндолори уччи.*

Те божки-сэвэны между собой **говорили**.

в) *Долбо-долбо тугдэлэхэни.*

Всю ночь **шел** **дождь** (**дожди**ло).

2) в *перфектном* значении глагол характеризует процесс, совершившийся в прошлом, завершившийся к настоящему времени определенным результатом, что соответствует глаголу совершенного вида, например:

(8) а) *Гэвхэту тэдүхэни, лавтамбани дапфаччи, амбауни сэгдэ нируктэни хопулахани.*

Гэвхэту **встал**, взял свой меч и **перерубил** красную волосину <черта>.

б) *Тари нари эр бојомбо вїхани.*

Тот мужчина этого медведя **убил**.

в) *Пурилпу осколоттои нэнууэчи.*

Наши дети **ушли** в школу.

г) *Чотчи тари этэ путтэ балзихани.*

Потом у той женщины ребенок **родился** (букв.: потом та женщина ребенка **родила**) и др.

3) в *аористическом* значении, то есть в значении *недлительного совершенно-*го, характеризующего прошедшее действие, когда процесс и/или его результат как целиком законченный акт разобщены с планом настоящего, например:

(9) а) *Чоччи мапа тэлунутчихэни мамануби хони бучимбэни.*

Потом старик **рассказал**, как его старуха **умерла** (букв.: **о смерти** своей старухи).

б) *Нони бака сэхэни чине би гатанневи.*

Она тоже узнала, что вчера я **ходила** по ягоды (букв.: о моем **походе** по ягоды) и др.

Относительно нерегулярно в функции прошедшего времени, преимущественно в фольклорных текстах, используются формы синтаксического будущего времени повелительного (см. 14(д), с. 3) и сослагательного наклонений (см. 3(д) с. 1), семантический аспект поддерживается авторским переводом. В орокском языке прошедшее время всегда выступает в своем временном значении как показатель реальности, определенности свершившегося действия или события, смыкаясь в этом плане с категориями модальности и эвиденциальности.

Будущее время – это время глагола, обозначающее, что названное глаголом действие следует за моментом речи. В орокском языке могут быть выделены 2 будущих времени: будущее определенное и будущее неопределенное, характеризующиеся различными грамматическими формами выражения каждого и различными значениями собственно будущего времени.

Различают 2 значения будущего времени:

1) будущее абсолютное (обозначающее, что процесс или его результат последует за моментом речи), выраженное суффиксально, то есть выступающее в маркированных морфологических формах, например:

(10) а) *Би этэ путтэби синдалауччи сил'л'о ололани.*

Дочка **придет** и **сварит** суп (букв.: придя, сварит).

2) будущее неактуальное или не-собственно настоящее (обозначающее, что время совершения действия безотносительно к моменту речи), выраженное лексико-синтаксическими средствами, когда формальные показатели не отражают смысловой нагрузки глагольной формы будущего времени в предложении, например:

б) *Чимана мапа пурэттэи нэннени.*

Завтра старик **идет (отправляется)** в лес (т.е. завтра **пойдет**).

С другой стороны, все формы выражения будущего времени могут быть оценены как формы ближайшего (реального) будущего и формы будущего отдаленного (неочевидного или реально / ирреального), в этом случае они выступают как безличные и вне синтаксической конструкции немаркированные.

Т.И. Петровой были описаны преимущественно морфологические личные формы будущего времени для изъявительного и повелительного наклонений [Петрова, 1967, с. 106–109]. На наш взгляд, формы 1 лица единственного и множественного числа, отнесенные к повелительному наклонению будущего времени, фактически выступают как формы наклонения побудительного, ибо выражают не столько волеизъявление, сколько намерение к совершению некоего действия в будущем или в настоящем, резко отличаясь в семантическом плане от форм 2 лица.

Формы будущего I времени образуются от основ настоящего времени через присоединение суффикса –ла ~ -лэ перед личным глагольным суффиксом, например: *ун-зи-лэ-ми* ‘я скажу’; *нэнн-не-лэ-ми* ‘я пойду’; *вā-ри-ла-ни* ‘он убьет’, *и-ри-ла-си* ‘ты войдешь’; *олоно-си-ла-су* ‘вы задрожите’; *олопун-зи-лэ-си* ‘ты заставишь сварить’ и др., например:

(11) а) *Анарбуддори вандаличи гедадума тунда бэжэмбэ, гедадума тунда тоумба вандаличи.*

Для Медвежьего праздника они **пойдут добывать** один пять медведей, другой пять лосей (букв.: для празднования Медвежьего праздника они **отправятся добывать**);

б) *Тари мурил тава сел'тани дэтуличи.*

Те лошади **будут есть** горящий уголь.

Будущее II время, которое характеризуется как *неопределенное*, представлено в орокском языке двумя формами, которые, в соответствии с грамматическими характеристиками, должны бы быть условно охарактеризованы как *безличные предикативные причастия*, но с функциональной и с семантической точки зрения являются глагольными формами.

За рамками анализа Т.И. Петровой была оставлена форма, которая по своим грамматическим характеристикам может быть квалифицирована как форма причастия-прилагательного будущего времени, что отражается структурой словоформы: помимо *глагольной основы*, она включает суффикс будущего времени -лла ~ -ллэ ~ -лло, но при этом лишена лично-числовых глагольных показателей. Данная форма всегда называет действие, которое будет или, наоборот, не будет происходить в неопределенном (отдаленном) по отношению к моменту речи будущем, но при определенных условиях. Синтаксической функцией данной формы в предложении является исключительно функция простого предиката, например:

(12) а) *Тари мама дукузи сономи тэссил'л'э.*

Та старуха в своем доме, плача, **будет сидеть (будет сидеть и плакать)**.

б) *Чо(γ)оччи ситтэј панусилла: «Хайла нэнэси-γэ, путтэви эччиси иттэ-јо?»*.

Потом она тебя **спросит**: «Куда ты идешь, не видал ли моего ребенка?».

в) *Сама этэ мапануби авривани сэрручихэни, уччини: «Бала тэддрбччи Дороло нэнэро, Валлеттасал хинда(γ)аччери вэрилал!»*.

Шаманка своего спящего мужа (букв.: муж сон-его) разбудила и сказала: «Быстро вставай и поезжай на Северный Сахалин, а то придут люди из рода Валлетта и убьют тебя!».

В отличие от собственно глагольных форм, сопровождаемых во множественном числе лично-числовыми показателями 1 л. -бу ~ -пу, 2 л. -су и 3 л. -чи: *гэллэлэпу* 'мы будем просить, попросим', *гэллэлэсу* 'вы будете просить, попросите', *гэллэлэчи* 'они будут просить, попросят', данная форма множественного числа оформляется именем суффиксом -л, например:

(13) а) *Тари би агби ситтэј ајсимби, мэнулби гэл'л'эл'л'о*.

Тот мой брат будет просить (будет просящий-?) у тебя серебро и золото <выкуп за меня>.

б) *Ча дукуду гаксе бедуни нуну(н) этэ јажел'л'ал'*.

В том доме на противоположной стороне (от входа) будут петь шесть женщин (будут поющие – мн. ч. – ?).

в) *Малудуни гедэ путтэ ул'думиччэл'л'о*.

В средней части дома (на малу) будет висеть в люльке один ребенок (будет висящий –?).

г) *Гаксе бедуни мапа-ја, мама-ја тэсил'л'ел'*.

На другой половине будут сидеть старик и старуха (будут сидящие – мн. ч. – ?).

д) *Би булкуптэвве си путтеси балзэл'л'а, адав балзэл'л'а*.

Когда я умру (после моей смерти) ты родишь, двойню родишь детей (будешь родившая-?).

е) *Чотчи ча мама ситтэј панусилла: «Хайла нэнэси-γэ, путтэви эччиси иттэ-јо?»*.

Потом та старуха тебя **спросит**: «Куда ты идешь, не видал ли где моего сыночка?».

ж) *Ча сэвэмби нүјтэј-дэ эзэ бурэ, ситтэј нүји-дэ чипāли гэл'л'ел'л'ал'*.

Своего божка-сэвэна никому не отдавай, а все у тебя будут просить (будут просящие-?).

з) *Тари амбануси отоко исуп'е симбе дэпчиллэ*.

Тот черт потом (через некоторое время), возвратясь, тебя **съест**.

и) *Болоду ночи дутуңэсэ асилал'л'ал'*.

Осенью они оба **будут жениться** (жехнутся).

к) *Тари нари уччини: «Хай амбани дэпчилэ-ккэ?»*.

Тот мужчина сказал: «Какой (что за) чёрт **будет их есть?**».

л) *СагЗи мапарил умбуккил'ил' биччи: «Амба дэпчини-тани, хайла вэдэпчил'э(в)ккэлэл?»*.

Старые старики отвечали: «Чёрт, наверное, ест их, где же они **могут пропадать?**

м) *Ча гасанду гедэ дуку сэгдэнЗи гуиптэнилу бил'л'э, ча дукуду авундассари*.

*В том селе **будет** один дом с красной крышей, там переночуешь*.

н) *«Нүј ноттојни нэнэлине, бојомбо дапаγаччэри, уЗичи», – ундэккэл'ел'*.

«Кто за него пойдет <замуж>, они медвежонка подобрали и воспитывают», – они **скажут**.

о) *Унне хэјэуэччэри, мэгЗиндуни гедэ дукко итэл'л'эл', ча поду эЗЗесу хагда!*

Плывь по реке вниз, вы **увидите** на обрыве один дом, в том месте не причаливайте!

Особенностью данной формы (если квалифицировать ее как причастие будущего времени) является, как уже было отмечено выше, невозможность ее использования с глаголом-связкой, то есть невозможность ее функционирования в составе именного сказуемого. Данная форма будущего времени является достаточной для выражения глагольной семантики в предикативной функции, что в орокском свойственно только глаголу. Хотя, как отмечала О.А. Константинова применительно к эвенкийскому языку, «одиночное (без вспомогательного глагола) причастие, выступающее в функции предиката, может относиться... к третьему лицу. Если же причастие-сказуемое относится к субъекту действия – первому или второму лицу, то оно всегда сочетается с личными формами вспомогательного глагола различных наклонений» [Константинова, 1964, с. 149–150]. Неоформленные личными показателями и оформленные морфологически невыраженными суффиксальными показателями глагольные формы 3 лица множественного числа отмечаются в удэгейском [Кормушин, 1998, с. 94–97], эвенкийском [Болдырев, 2007, с. 676], эвенском [Новикова, 1980, с. 69–71] и ульчском языках [Суник, 1985, с. 46]. В орокском языке формы будущего времени, лишенные личного оформления, могут быть отнесены не только к 3, но и ко 2-му лицу, дифференцируясь исключительно в отношении числа, хотя, на наш взгляд, это можно оценить скорее как следствие разрушения системы языка, нежели как языковой факт.

Безличной глагольной формой, обозначающей ближайшее будущее, является форма на -та ~ -тэ, не дифференцируемая в отношении лица. Она используется без дополнительной связки не только применительно к 3 лицу, но и применительно к 1 и 2, кроме того, допускает 2 л. повелительного наклонения с использованием суфф. -ри (ср. этот суффикс в составе форм побудительного наклонения на -са-ри и -са-ри-су (вариант -сари суффикс -та-ри отмечается после основы на согласный –в: *тавтари* ‘сосчитай-ка’), по Т.И. Петровой – повелительное наклонение буд. вр. для 2 л. [Петрова, 1967, с. 109], например:

(14) а) *Ага, би ситтэи си энитчи тэлунучилухэмбэни тэлунутчитэ.*

Брат, я тебе **расскажу**, что рассказывала твоя мать.

б) *Хэрэ мэвхэни: «Вајамелунне синдатта, тугдэмэлунне синдатта!».*

Лягушка заплясала: «Человек в одежде из рыбьей кожи **придет**, человек в одежде из рысьего меха **придет!**».

в) *Мама уччини: «Каруна(в)-каруна(в), эсу(в) карунзитта!».*

Старуха ответила: «Плати, плати, **не буду платить!**».

[В данном контексте форма повелительного наклонения использована скорее в значении прошедшего времени, т.е. ‘платила, платила, а больше не буду платить’, нежели в значении настоящего времени].

г) *Би ситтэј карунзитта, аја.*

Я тебе **заплачу**, ладно (так и быть).

д) *Би хоттоттој ңнетэ, дэпиңддори ганнита.*

Я **пойду** в город за едой (продуктами) (букв.: **принесу** еды для себя).

е) *Ага, ага, би симбе бэлэччими, оксоккоси аннета.*

Братец, братец, я тебе помогу, нарточку твою стану толкать сзади.

ж) *Чоччи амбануни уччини: «Би дукуби утэни **нириттэ** ојука».*

Потом его дьявол сказал: «Я дверь **приоткрою** немного (чуть-чуть)» и др.

В орокском языке функционально и семантически формы будущего времени на -ла (-лла) ~ -ло (-лло) ~ -лэ (-ллэ) и -та ~ -тэ проявляют себя как глаголы, лишенные личного оформления. Поэтому предварительно квалифицированные как предикативные причастия будущего времени на том основании, что не имеют лично-числовых глагольных показателей (показателем множественного числа выступает именной суффикс –л), эти формы должны быть оценены как финитные формы глагола. Во-первых, в предложении они выступают только в функции простого глагольного сказуемого (причастия-прилагательные всегда в формах будущего и прошедшего времени оформляются вспомогательными глаголами,

т.е. выступают как часть составного сказуемого), во-вторых, отсутствие личных показателей в формах 3-го лица единственного и множественного числа для глаголов будущего времени отмечено для негидальского и эвенского языков, в-третьих, О.П. Суником [Суник, 1985, с. 47] в парадигме настоящего времени ульчского глагола также выделены безличные формы третьего лица, дифференцируемые в отношении числа с помощью суффикса -л.

Как отмечала Т.И. Петрова, в качестве форм ближайшего будущего времени для глаголов, основы которых условно могут быть оценены как основы несовершенного вида, используется «глагольная форма со словообразовательным суффиксом -лу, имеющим значение «начинать указанное действие» [Петрова, 1967, с. 107], например:

(15) а) *Путтэби кусалзи гитулхани* (ср. *гитуллини*).

Мой ребенок скоро **начнет ходить** (пойдет).

б) *Мапа уччини: би јэду путатчиллеви* (ср. *путатчилухамби*).

Старик говорит: «Я здесь **буду петли ставить** (начну петли ставить)».

Но, поскольку сопоставление морфологических форм настоящего и прошедшего времени свидетельствует в большей мере о видовой, нежели чисто временной дифференциации, можно говорить лишь об использовании глагольных форм настоящего времени, образованных от основ с начинательным суффиксом -лу, в функции будущего времени.

К формам, используемым для обозначения неопределенного будущего времени в роли кондиционалиса, могут быть отнесены достаточно редкие формы настоящего совершенного, в которых не происходит регулярного стяжения широкого гласного с суффиксом настоящего времени -ј, в полипредикативных бессоюзных конструкциях, например:

(16) а) *Чо(у)оччи си уттэри*: «То нучукэ јасиккамба бурјэси, ал'дуррилами».

Потом ты **ответишь** (скажешь): «Этот маленький ящичек мне <если> дашь, я **расскажу**» (ср.: ты этот ящичек мне даешь – я тебе расскажу);

б) *Ајсимби, мэнумби бурјэси би ситтэј пундадуби бурилэми*.

После этого та крыса ему сказала: «Если **дашь** мне золото и серебро, то **отдам** за тебя свою сестру» (ср.: ты даешь мне золото и серебро – я тебе отдам свою сестру в жены) и др.

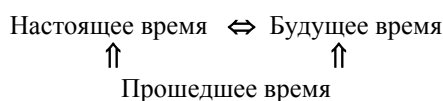
Выводы

1. В тунгусо-маньчжурских языках южной группы, в частности, орокском и ульчском, носителем категории темпоральности выступает исключительно предикат. Все прочие отглагольные образования (отглагольные существительные, причастия-существительные, причастия-прилагательные, деепричастия-наречия), даже имея в своем составе формальные показатели времени (суффиксы) временным значением не обладают, что обуславливает широкое использованием темпоральных детализаторов различных уровней (грамматического, лексического).

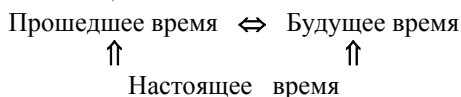
2. Фактически в орокском языке грамматическая категория темпоральности, выражаемая морфологически, используется как временной маркер преимущественно в условно *одновидовых* возвратных глаголах и как компенсаторное средство в условно *двувидовых* глаголах, замещая, наряду со словообразовательными условно-видовыми суффиксами, отсутствующую категорию вида. Для так называемых *двувидовых* глаголов морфологические показатели времени являются не столько показателями временной характеристики предиката, сколько *видовременными* показателями (например, глаголы речи, ментальности, сенситивности, движения и пр.). Как маркеры абсолютного прошедшего времени для глаголов этих семантических групп в конструкциях используются сложные предикаты с причастиями-прилагательными обычности действия в семантической части и личными формами вспомогательного глагола.

3. Категория темпоральности в орокском языке выражает временное отношение морфологическими, семантическими и лексическими средствами, распространяясь не только на формы изъявительного, но и на формы повелительного и сослагательного наклонений.

4. Временная оппозиция в орокском языке трехчлена: настоящее, прошедшее, будущее. В изъявительном наклонении настоящее представлено собственно настоящим и относительным настоящим, прошедшее – перфектным (завершенным), имперфектным (незавершенным), прошедшее аористическим (завершенным недлительным), будущее ближайшее и отдаленное – определенным (реальным) и неопределенное (реально / ирреальным). Морфологическая структура глагольного времени в орокском языке может быть представлена как иерархия форм, с доминированием настоящего времени и «тупиковым», позиционированным попарно относительного будущего и настоящего, прошедшим временем, т.е. структура морфологического глагольного времени строится по типу бинарной оппозиции:

5. Темпоральная структура глагола в орокском языке может быть представлена схематически как пересекающиеся поля морфологически маркированных форм прошедшего, настоящего и будущего времени, то есть она строится на основе контекстуальной оппозиции:

Фактически особенностью морфологического времени может быть названа явная определенность, абсолютность, особенно, маркированного прошедшего, тогда как синтаксическое время отличается широтой при склонности к релятивности форм и настоящего, и прошедшего, и будущего.

Литература

- Аврорин В.А., Болдырев Б.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск, 2005.
- Болдырев Б.В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск, 2007.
- Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.; Л., 1966.
- Константинова О.А. Эвенкийский язык. М.; Л., 1964.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Кормушин И.В. Удыхейский язык. М., 1998. С. 94–97.
- Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Л., 1980. Ч. II.
- Суник О.П. Ульчский язык. Л., 1985.
- Цинциус В.И. Негидадьсктй язык. Л., 1982.